

опыт, оптимальной системой, способной эффективно решить эту задачу, является дуальное обучение.

Библиографический список

1. Приказ Минтруда России от 26.10.2020 № 744 (ред. от 20.10.2021) «Об утверждении списка 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования». – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1488>.

2. Nazarova, L. Development trends in practical training of college students in the context of digital transformation of education / L. Nazarova, P. Kubrushko, A. Alipichev, S. Gryazneva // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 273. – Article 12059.

3. Бердышев, В. Е. Проблема обеспеченности агропромышленного комплекса России инженерными кадрами / В. Е. Бердышев, Н. В. Скороходова, Я. С. Чистова // Агроинженерия. – 2020. – № 6 (100). – С. 74–80.

4. Кубрушко, П. Ф. Высокие технологии и непрерывное образование / П. Ф. Кубрушко, И. В. Зорин // Вестник РМАТ. – 2017. – № 4. – С. 25–28.

5. Сидакова, Л. В. Сущность и основные признаки дуальной модели обучения / Л. В. Сидакова // Образование и воспитание. – 2016. – № 2 (7). – С. 62–64.

6. Косырев, В. П. Информационно-технологический подход к созданию персонифицированных образовательных программ / В. П. Косырев, В. В. Стрельцов // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. – 2015. – № 2. – С. 94–97.

7. Мамаева, И. А. Организация дуального обучения и самооценка студентами сформированности компетенций / И. А. Мамаева, Ю. В. Смирнова // Вестник ФГОУ ВПО «Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина». – 2020. – № 1 (95). – С. 66–74.

УДК 1(091)+7.011

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ В.В. РОЗАНОВА

Донских Ксения Юрьевна, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, ks.donskih@rgau-msha.ru

Аннотация: В статье анализируются воспоминания и мнения В.Розанова о К. Леонтьеве, вскрываются предпосылки для личностной симпатии двух философов.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, воспоминания, переписка

Благодаря творчеству В.В. Розанова, за К.Н. Леонтьевом закрепилось

несколько «прозвищ», прочно вошедших в историю. В своих воспоминаниях о русском философе, он называет его Алкивиадом, турецким игуменом, русским Ницше. Каждое из этих имен, грамотно и ясно обосновано. Розанов был приятно удивлен и восхищен Леонтьевым. Их близкая дружба (по переписке), продлилась всего год, дав каждому из участников желаемое: Леонтьев получил близкого друга и понимание, Розанов — родственную душу. Василий Васильевич отмечал возникшую необычайную духовную близость, которая лишь немного поколебалась, но не успела нарушиться из-за смерти Леонтьева.

Бесспорно, что именно Розанов мог стать леонтьевским «духовным наследником», не зря его тоже порой называют «русским Ницше». И хотя его идеи получили собственный путь развития, именно розановские воспоминания отличаются особой теплотой и трепетом. «Тексты данной переписки отразили широкий круг проблем, волновавших обоих мыслителей. Прежде всего, это взаимная оценка философского творчества Розанова и Леонтьева, а также оценка деятельности таких мыслителей и писателей, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов, Вл. С. Соловьев и некоторые другие. Немалое место занимает и проблема либерализма в общественном сознании дореволюционной России. Однако нерв данной переписки составляет феномен православного монашества и — еще шире — проблема соотношения мирского и аскетического начал в христианстве» [1. С. 68].

Розанов пишет, что их знакомству предшествовало изучение трудов Леонтьева и его конечно не могло не обрадовать полученное от последнего письмо. Человек совершенно иного круга и воспитания, Розанов сумел рассмотреть в Леонтьеве родственную душу. По его мнению, среди огромного количества фальши и лицемерия, непризнанный гений — Леонтьев, был человеком без всякого притворства, несмотря на всю свою аристократичность. Называя Леонтьева Алкивиадом, Розанов очень смело заявляет, что такого воскрешения афинизма он не видел больше ни у кого. Спорить никто не стал. Красавец, сумевший очаровать не только собственное начальство, но и турецких коллег; хорошо образованный Леонтьев очень похож на афинского полководца. По мнению Розанова, на всем протяжении истории, не было более схожих с Алкивиадом личностей, чем русский философ. Также, как древнегреческий герой, бежавший в Спарту, и сумевший гармонично влиться в быт лакедемонян, Леонтьев не менее гармонично вписался в турецкий мир. Сам он, считал службу в Турции самым счастливым временем своей жизни, и всегда отзывался о ней с восторгом. Подобная позиция, конечно, была многими современниками не понята и не оценена. Василий Розанов пишет, что он должно быть первым из всех европейцев, открыл «пафос туретчины» — ее живую и поэтичную душу. Леонтьева совершенно не смущали противоречия восточной жизни, чуждый нашей культуре семейной жизни. Розанов, называя его «турецким игуменом», объясняет это огромной симпатией Леонтьева к Турции. Он приводит примеры из его произведений, в которых яркими штрихами отражен повседневный уклад. Розанов видит в леонтьевском описании покупки старой женой новой супруги для своего мужа, некое

восхищение. Более всего удивляет Розанова тот факт, что подобные положительные эмоции, высказывает будущий православный монах. Парадоксально, но именно работы Леонтьева были одобрены и положительно оценивались православными старцами (в отличие от писательства Вл. Соловьева). Не менее парадоксально и то, как философ моментально изменил свой духовной и жизненный уклад, заболев и предчувствував возможную смерть. Отношение современников и поздних исследователей к его религиозности всегда было неоднозначным. Тем не менее, он один из немногих писателей и мыслителей, кто сумел пронести в себе дух христианства до конца своей жизни и принять монашеский постриг.

Продолжая сравнение с эллинами, он называет его Ксенофаном, Эмпедоклом и Пифагором, полагая что если бы Леонтьев родился в иное время, то мог бы основать собственный «пифагорейский союз», нацеленный на бунт против демократии. Розанов сожалеет, что этого не случилось и Леонтьев был только «русским цензором, русским консулом и монахом в Оптиной да вечным должником своих друзей» [2. С.413]. «Не туда попал» — делает вывод Розанов.

Это розановское «не туда попал», сближает К.Н. Леонтьева с немецким философом Ф. Ницше. Он тоже был человеком не своего времени. Розанов пишет, что когда он узнал об идеях Ницше, то сразу вспомнил Леонтьева. По его мнению, они невероятно похожи, только именем одного гремит вся Европа, а другой мало известен даже в России. Розанов находит, что они оба восстают против кротости. Кротость — атрибут мещанства, среднего и последнего человека. Именно она ведет к всеобщему уравниванию, эгалитарному процессу. Но Леонтьев не просто «духовный брат» Ницше, он скорее «больше Ницше, чем сам Ницше».

Странной выглядит симпатия Розанова к Леонтьеву. Он «выбирал друзей не по идейному родству, а «по степени того, насколько глубоко они проходят внутрь нас». Несмотря на свою искренность, по признанию Розанова, Леонтьев был для него не совсем понятен как личность, он подозревал, что «оптинский отшельник» имел даже как бы двойственную натуру: идейная суровость и презрение к оппонентам сочетались у него с весельем и легкомысленностью в обыденной жизни» [3. С. 65]. Вероятно, именно поэтому он старательно избегал личной встречи с Леонтьевым, несмотря на многочисленные просьбы последнего. Возможно, он боялся леонтьевского аристократизма, который отмечали абсолютно все. Леонтьев был ему симпатичен и близок по взглядам, но в тоже время был чужд. Другой причиной, по которой Розанов мог избегать встречи, было его приятельство с такими известными консерваторами как Н.Н. Страхов и С.А. Рачинский, которые негативно высказывались об «эстетическом славянофиле» К. Леонтьеве. Тем не менее, Розанов сделал все возможное, чтобы как можно больше людей узнали о так называемых «литературных изгнанниках», в число которых входил и «русский Ницше».

Современный исследователь творчества К.Н. Леонтьева, А. Козырев, пишет, что Розанов был единственным, кто сказал правду. Пожалуй, именно поэтому его воспоминания звучат двояко. В них нет чистой, излишне

приторной симпатии, он не боится говорить о несогласии с мнением Леонтьева. Сохранившиеся с обеих сторон письма, позволяют дополнить портреты этих двух русских философов. Очень символично, что похоронены они рядом, в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры.

Библиографический список

1. Саранин А.Ю. Костромской гуманитарный вестник. - Кострома. 2014. № 1.
2. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. — М.: Республика, 2001.
3. Пишун С.В. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — Владивосток, 2021. № 3.

УДК 1(091)

«ВОЗДУШНАЯ ПЕЧАТЬ» Ф. НИЦШЕ В ОЦЕНКЕ Г. БАШЛЯРА

Донских Ксения Юрьевна, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, ks.donskih@rgau-msha.ru

***Аннотация:** В статье рассматривается анализ философских аспектов творчества Ф. Ницше в работе Г. Башляра «Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения». Вскрываются атрибуты, подтверждающие «воздушность» поэтики произведений Ф. Ницше.*

***Ключевые слова:** Башляр, Ницше, грезы о воздухе, Сверхчеловек.*

В творчестве Фридриха Ницше сложно отделить философию от поэзии. Они настолько тесно переплетены, что являются неотъемлемыми составляющими друг друга. Исследователи его творчества отмечают, что метафоры и образы, встречающиеся в его произведениях, многое объясняет в его философии. Наиболее известной работой посвященной данной тематике является работа Гастона Башляра «Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения», которая является третьей частью его пенталогии, посвященной поэтике стихий и влиянию на воображение человека образов классических «материальных стихий». В ней он посвятил Ф. Ницше одну из глав.

Анализируя стихийную природу одаренности, он отказывает Ницше в таких стихиях как огонь, воздух и земля. Башляр «помечает» Ницше «воздушной печатью» [1, с. 175]. Обосновывая свое решение, он пишет, что немецкий мыслитель своими поэтическими произведениями частично объясняет собственную философию. Ницше для него — «поэт вертикали, поэт вершин, поэт восхождений» [1, с. 175], субстанцией его материального воображения является воздух. Одним из главных качеств воздуха, влияющего на материальное воображение, является запах. Для большинства, запах ассоциируется с чем-то приятным (духи, скошенная трава, море и т.д.), для